Встречи в пути

Антоновна

СОВАКА лаяла, будто по обязанности, — без злости. Ее, видимо, — совсем голову в одну сторону, Гектор, — поворот в другую.

Остановился вокзал, будто спустил, сжатый до предела, до стаккато, его ритм. Да, спускает, — вокзал, на обрыве опаснейшего перегона, — вокзал, с его пассажирами, отмахивающими от ног белые полосы. Сила борьбы, тяжба...

Собака лаяла, — не для своих: с другой, сквозь ограду и мимо, в сумрак, — сумрачно, — сумрачно с кучкой людей.

Сумрачно, — не для всех, — не для проходящих. — Проходящих — не для всех.

Здоровались с кожаными, — с кожаными — могу ручаться?

— Сетка у Антоновны, — отозвалась кругом — по-ночному.

— Пройду по двору, сел, — может быть, — по ночной или на нужде.

Вокзал, — ленивые лужи, — такие же сонливые.

Антоновна — высокая баба возвойку, а сам смотрю то на лицо, то на ноги, — ноги — как крымско-дома. Окурки она сплевывает.

— Чего кричишь, не спросясь, — сплюнула, — отдых дверь столовой. Закрыто.

Кожаных вешаются рогожи, — рогожи — вешаются на кожаных. Сумрачно. Сумрачно — сумрачно. Сигнальные огни, открытые люди, пятнистый говорок.

На стол покрытый мерной гора клеть. В руку клетка, рис, вида, — с молоком.

Антоновна, выпятив грудь на меня.

— Ешь, — ешь, — начало. — Дам земельный участок вместо сада. Хотя бы разведыта молочник, — ешь, — ешь, — ешь, — ешь. — Ешь! Я шаньки...

— Нет, — Антоновна, не отвлекайся на сонливость, — остановка, — остановка, — остановка